

Женя Гравис

Лев Брусилов

Александра Лаваье

Дарья Эпштейн

Дарья Кузнецова

Тимур Суворгин

Виктор Дашкевич

Игорь Евдокимов

Осень в Российской Империи

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-72

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Елизаветы Третьяковой*

Внутренние иллюстрации *sontyupontiy, Kateshi Kittano, Александры Чу*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Янина Клыга*

О-72 Осень в Российской империи : сборник рассказов. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-249063-7

Осень.

Время душистых яблочных пирогов, ярмарок, уютных вечеров у камина — и пугающих мистических историй.

С чем предстоит столкнуться героям после наступления сумерек?

Владимиру Корсакову к подобным приключениям не привыкать, но во время расследования убийства на мануфактуре его жизнь вновь окажется на волоске. Граф Аверин приятно проведет время в кругу семьи, хотя и не избежит очередного происшествия, Дмитрий Самарин с Софьей Загорской отправятся на московскую ярмарку, а Фома Фомич раскроет очередную мистификацию.

В Российской империи наступает осень.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249063-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЖЕНЯ ГРАВИС

Общество мертвых писателей

— Серьезно? Ты собираешься в ЭТОМ идти на ярмарку? — Мужчина в костюме пирата отогнул повязку, закрывающую глаз, и уставился на вошедшую девчонку со смесью изумления и растерянности.

— А в чем проблема? По-моему, это прекрасный костюм.

— Нет, разумеется, мне тоже не чужда ирония. Но тебе не кажется, что это... слишком мрачный юмор? Я помню, Виктор Гюго говорил, что с иронии начинается свобода, но этот наряд, право, чересчур прямолинеен.

— Гюго, если помнишь, жил на острове с женой и любовницей. А до этого на баррикадах сражался. Он знал, о чем говорит.

— И все же это слишком откровенно.

— А по-моему, в самый раз. — Девчонка повертелась перед большим зеркалом, взмахивая полами длинного черного балахона. Потом накинула на го-

лову капюшон, полностью закрыв лицо с курносым носом и веснушками. — Я же не виновата, что ты живешь в начале двадцатого века и у вас еще не изобрели очки от солнца. И вообще, ты сегодня редкостный зануда. Пират? В самом деле? Ты не мог придумать что-нибудь менее банальное?

— Я полагаюсь на принцип наименьшего действия, разработанный Мопертюи и позже развитый Лагранжем. Не стоит плодить лишние сущности...

— Да-да, расскажи мне в сотый раз про бритву Оккама.

— Если помнишь, в прошлом году я нарядился Кутузовым. И к чему это привело?

— О, полководец из тебя получился замечательный. Жаль, французы этого не оценили в полной мере.

— Я полагал, что за сто лет их болезненные переживания как-то поугасли. Людская память довольно недолговечна.

— Поверь мне, эту войну они будут помнить еще долго. Ладно, пират так пират. Хотя, повторюсь, это слишком заурядно.

— Привычка. Я стал консервативен, как видишь.

— Иногда даже чрезмерно, а это признак стагнации. Косу мне наточишь?

— А нельзя в этот раз обойтись без холодного оружия?

— Это часть реквизита! Между прочим, самая важная. Без нее я просто буду маленьким ребенком в мантии. Если ты готов — пойдём, у нас всего один день.

* * *

Сухаревская площадь уже много лет была идеальным местом для осенней московской ярмарки. Доминанту ей задавала Сухарева башня, стоявшая на углу Сретенки и Спасской-Садовой. Восьмиугольная, с острым шатром, она возвышалась на трехъярусном вытянутом постаменте, отчего сбоку напоминала диковинный корабль, который чудесным образом пришвартовался посреди суши.

Каждое воскресенье у подножия башни разворачивался огромный и многолюдный рынок, на котором можно было найти все — от самоваров и мебели до одежды и книг. А раз в год, в сентябре, здесь открывалась большая осенняя ярмарка урожая. В этот день и без того шумная Сухаревка превращалась в настоящий балаган: здесь не только шла торговля овощами, фруктами, соленьями и пирогами, но и давал представление уличный театр, выступали скоморохи, силачи, дрессированные животные. На площади ставили качели, карусели и палатки с развлечениями на любой вкус — от гадалок до беспроигрышных лотерей.

В такой день по давней традиции и торговцы, и гости ярмарки рядились в костюмы. И чем вычурнее был наряд — тем лучше. Так что одноглазый пират в потрепанном старинном камзоле, сопровождавший ребенка в черном балахоне и с косою в руках, ни у кого не вызвал удивления. Разве что репортер с фотографическим аппаратом на треноге обратил внимание на необычную парочку и буквально бросился ей наперерез.

— Какие чудесные образы! Позвольте запечатлеть вас для газеты! Я из «Московского листка», эта фотография прекрасно будет смотреться на полосе. Вы же не против?

«Пират» неопределенно пожал плечами, что репортер расценил как молчаливое согласие.

— Вот сюда встаньте, пожалуйста. Да-да, возле этих ржаных снопов будет отлично. Замрите, будьте добры, и не двигайтесь. А мальчик не хочет снять капюшон?

— Это девочка. И поверьте мне, капюшон снимать не стоит, — ответил за нее «пират», а маленькая фигура в плаще энергично помотала головой из стороны в сторону.

Через несколько минут репортер высунулся из-под черной ткани, закрывающей сзади фотографическую камеру, и показал поднятый вверх большой палец.

— Интересно, что он подумает, когда проявит свою пластину, а рядом с тобой никого не окажется? — спросила девчонка, когда журналист ушел.

— Надеюсь, что посчитает это дефектом аппарата. Мало ли какие странности случаются. Ну, куда хочешь пойти вначале?

— Давай посмотрим, что они там насобирали и навыващивали.

Они двинулись вдоль торговых рядов, которые ложились от съестного изобилия. С погодой москвичам сегодня повезло: с утра на небе не было ни облачка, светило яркое солнце, и площадь, усеянная опавшими листьями, переливалась всеми цветами желтого,

оранжевого и красно-багряного. Между рядами лотков и прилавков были расставлены «заборчики» из утрамбованных брикетов сена и перевязанных лентами пшеничных и ржаных снопов.

Год оказался урожайным, и приехавшие на ярмарку торговцы выставили лучший товар, что называется, лицом. Вокруг высились горы круглых кочанов капусты, отборной картошки, свеклы и моркови, золотились репки, свешивались гроздья луковиц, связанные в «косу». Дальше шли фруктовые ряды, и от их сладкого запаха начинала кружиться голова. Груши, сливы и вишни, виноград и айва из южных краев, брусника и рябина, малина и ирга... Возле прилавка с отборными красными яблоками девчонка подергала своего спутника за рукав и требовательно произнесла:

— Купи.

Он взял два и протянул ей одно. Из широкого черного рукава выпросталась худая рука с красно-зеленым браслетом на запястье и забрала плод. Через мгновение откуда-то из-под капюшона раздался громкий довольный хруст.

— Боги смерти едят только яблоки, — донеслось оттуда спустя пару секунд.

— С чего ты так решила?

— Эх ты, классику надо знать. Хотя, что я... Тебе до этого еще лет восемьдесят дожить осталось.

— В такие моменты я не уверен, что желал бы этого.

— А кто тебя спрашивает. Наслаждайся, тебе раз в год позволено куда-то выбираться.

— А я и наслаждаюсь. — Он тоже откусил от яблока. — Отличный сорт, кстати.

Они шли вдоль рядов, пиная легкие сухие листья, когда девчонка вдруг остановилась и замерла.

— Что такое? — спросил «пират».

— Мне надо отлучиться на минуту. Побудь тут.

— Я думал, мы пришли отдыхать.

— Ну, извини, что у меня не бывает выходных. Я быстро.

Огрызок из-под плаща полетел в солому. «Пират» его поднял, осмотрелся по сторонам и, не найдя урны, положил в карман. Потом присел на спрессованный брикет из сена и продолжил есть яблоко, лениво поглядывая на окружающих.

Вокруг была сутолока и привычный базарный гам. Продавцы нахваливали товар, покупатели громко торговались, вдалеке играла шарманка... А потом шум изменился. В него вдруг вклинилось тарахтение двигателя, за ним послышался невнятный гул, ропот голосов, тихие выкрики, потом глухой удар... Завершилось все чьим-то истошным визгом. Люди вокруг «пирата» засуетились и забежали, невдалеке начала кучно собираться небольшая толпа, в которой происходило какое-то движение. Голоса набирали громкость, раздался пронзительный свист, еще один...

«Пират» сидел совершенно спокойно, не обращая никакого внимания на поднявшуюся суматоху, и продолжал грызть яблоко. Через пару минут из толпы, придерживая косу одной рукой и капюшон дру-

гой, протиснулась девчонка и плюхнулась рядом на сено.

— Ну что? Поработала? — небрежно спросил мужчина.

— Ложная тревога. Встретила одного старого знакомого. Ты, кстати, его тоже знаешь, он тебе кое-что вернул этой весной.

— А, тот самый. Ну, тогда я не удивлен, что тревога ложная.

— И так каждый раз. — Девчонка поболтала ногами в воздухе, покрутила в руках косу и попыталась «подрезать» стоящие рядом снопы. — Кстати, там проходит выставка гигантских овощей. Не хочешь посмотреть? Говорят, один крестьянин вырастил луковицу весом в пять килограммов.

— И что с ней такой большой делать?

— Понятия не имею. Может, разрезать ее и посмотреть, сколько людей вокруг зальются слезами?

— Или сварить луковый суп на сто человек. Если что-то приятного и было в Париже в прошлом году, так это суп...

* * *

— Митя, ты в порядке? — Огромные и тревожные Сонины глаза оказались совсем рядом, а солнце пробивалось сквозь ее рыжие волосы, которые буквально полыхали на свету. Картинка была очень яркая и красивая. Смазывала ее лишь чья-то пронзительная трель, доносившаяся издалека и заглушавшая взволнованный голос.

Соня склонилась над Дмитрием Самариним, который в последний момент все-таки не удержался и упал, основательно приложившись головой о булыжник. На его счастье, Сухаревскую площадь сегодня основательно усыпали листьями и сухим сеном, иначе...

— Кажется, я все еще жив. — Дмитрий приподнял голову и ощупал небольшую шишку на затылке. — А что случилось вообще?

— Тебя чуть не раздавило гигантской тыквой, — сообщила Соня, а потом повернулась назад и добавила, обращаясь к кому-то: — Да перестаньте уже свистеть, умоляю! Все в порядке, опасность миновала.

Трель сразу же прекратилась, и Самарин, приподняв голову, рассмотрел в нескольких шагах городского, который до этого так самозабвенно свистел. А рядом с ним — ту самую гигантскую тыкву, из-за которой пару минут назад все и произошло и из-за которой Дмитрий нечаянно приложился затылком о булыжник и на несколько секунд потерял связь с реальностью.

Тыкву привезли на грузовике на ярмарку урожая на Сухаревке как раз в тот момент, когда Дмитрий вместе с Соней прогуливался невдалеке. Они остановились возле огромного плаката, извещавшего о том, что в Москве впервые пройдет выставка овощей-гигантов. Перед плакатом выстроилась композиция в виде грядки с рыхлой землей, из которой торчала верхушка огромной репки с пышной зеленой ботвой.

Сама репка сделана была из папье-маше и покрашена в жизнерадостный желтый, а «хвост» — из толстой проволоки и папиросной бумаги.

— Только на Сухаревской ярмарке! — прочитала Соня на плакате. — Гигантская двухметровая морковь японского сорта «манкупуджи». Кабачок весом в пять пудов. Подсолнечник-титан окружностью полтора метра. Можешь себе вообразить?

— Не очень, пока не увидел их вживую, — признался Самарин.

— И тыква-великан, выращенная в Астрахани, — добавила Соня. — Кстати, а это не ее ли как раз собираются выгружать? Давай подойдем поближе.

Между торговыми рядами очень осторожно сдал задним ходом грузовик, в кузове которого возвышалось что-то округлое и оранжевое.

— Поберегись! Осторожно! — покрикивал на зевак городской, следивший за порядком.

На великанскую тыкву хотели посмотреть все, и у грузовика образовалась небольшая давка. Автомобиль остановился возле высокой треноги из бревен, сооруженной намеренно, чтобы уложить гигантский овощ на выделенную для него площадку. Несколько рабочих, перекинув толстый канат через железный блок сверху, зацепили крюками веревки, которыми была обвязана тыква, и при помощи ручной лебедки начали поднимать ее в воздух.

Конструкция опасно поскрипывала, а тыква, медленно покачиваясь, снялась со своего места в грузовике. Если верить новостям в газетах, вес ее совсем

немного не достиг тонны, остановившись на цифре 969 килограммов. Работа по переносу требовала большой точности и аккуратности, так что за выгрузкой народ наблюдал, затаив дыхание.

— А то как грохнется, — сказал шепотом какой-то мужичок.

— Типун тебе на язык, — ответили ему.

Тыква не грохнулась, но была близка к тому, потому что в самый напряженный момент одна из веревок вдруг лопнула и хлестнула по ногам стоявшего рядом Самарина. Он покачнулся, теряя равновесие. Следом оборвалась еще одна веревка, и гигантский овощ, зависший в воздухе, вдруг начал угрожающе раскачиваться. На мгновение показалось даже, что он вываливается из сетки и сейчас вправду упадет на головы собравшихся.

В этот момент в толпе уже началась легкая паника. А Самарин, все еще пытаясь устоять на ногах, вдруг получил сильный удар в спину от тыквенного бока и полетел на булыжники. Тыква пролетела над ним, задев по касательной. В этот момент и раздался истошный женский визг: кому-то показалось, что овощем-великаном человека раздавило в лепешку.

Обошлось. Тыкву в последний момент поймали и уложили на мягкую соломенную «подушку», а Самарин отделался шишкой на голове и легким замешательством. Он схватился за чью-то протянутую руку и поднялся на ноги, отряхиваясь от сена.

— Я в порядке, в порядке, — ответил он на взволнованные возгласы вокруг, а потом подхватил Соню под руку. — Пойдем отсюда.

Убедившись, что пострадавший не очень-то и пострадал, толпа утратила к Самарину всякий интерес и облепила тыкву со всех сторон, а несколько шустрых мальчишек уже пытались на нее вскарабкаться.

— Я очень за тебя испугалась, — сказала Соня.

— А я даже не успел, — усмехнулся Самарин. — Согласись, это была бы очень нелепая смерть. «Московский полицейский раздавлен гигантской тыквой». Так и вижу этот заголовок в газетах.

— Все шутишь. — Она сжала его локоть сильнее. — Ой, смотри! Пушкин предлагает предсказания. Давай попробуем узнать судьбу?

— От Александра Сергеевича я прорицаний еще не слышал.

— Так тем интереснее.

Мужчина, наряженный Пушкиным, в кудрявом парике и с пышными бакенбардами, стоял у большой картонной коробки, набитой свернутыми в трубочку бумажками. Огромные красные буквы на боку коробки извещали: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок! Литературное гадание для господ, купцов, барышень, приказчиков и всякого честного народа. Ученая птица вынет вам билет судьбы: любовный, денежный, смешной или предостерегающий. Цена билета — 3 коп.».

Ученой птицей при «Александре Сергеевиче» служил обычный сизый голубь, который по сигналу вытаскивал бумажки. Желających погадать на судьбу было предостаточно, и Дмитрию с Соней пришлось даже отстоять небольшую очередь.